

П.А. ИСКЕНДЕРОВ

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ВЕЛИКИЙ ВОСТОЧНЫЙ КРИЗИС 1875–1878 ГГ.: ВЗГЛЯД ИЗ СОВРЕМЕННОСТИ*

Abstract:

Iskenderov P.A. *A contemporary dimension of the Eastern Crisis of 1875–1878*

The article is devoted to the evolution of the integration models of Balkan peacekeeping. The author analyses the historical roots of the contemporary Balkan conflict. The article is focused primarily on the Kosovo issue.

Ключевые слова: Россия, Европа, Балканы, Великий Восточный кризис 1875–1878 гг., Берлинский конгресс 1878 г., великие державы, интеграционные модели, косовский кризис.

Великий Восточный кризис 1875–1878 гг. в качестве одного из переломных событий балканской и в целом европейской истории заключает в себе целый ряд ключевых аспектов, расположенных в определенной иерархии.

Верхние ряды данных аспектов составляют проблемы, непосредственно обсуждавшиеся великими державами и лежавшие в основе принятых ими решений. Это — международно-правовое признание независимости Сербии, Черногории и Румынии, определение принципов функционирования болгарской государственности, территориальное разграничение на Балканах. Однако наряду с проблемами, нашедшими свое адекватное (или не вполне) разрешение в рамках деятельности «концерта великих держав», Великий Восточный кризис подспудно поставил на повестку дня вопросы, которые тогда не вышли на верхний уровень международных дискуссий или даже вообще остались за пределами внимания европейских и балканских лидеров. Они относятся к числу тех факторов, которые возникают и развиваются зачастую вне воли и интересов государственных, политических, культурно-национальных и иных сил и явлений. К их числу в специфических балканских условиях конца XIX в. относятся интеграционные модели «переформатирования» Балкан.

Эпоха восстаний, войн и международной дипломатии, которую объединил в своем составе Великий Восточный кризис, объективно и подчас помимо желаний и устремлений ключевых игроков родила запрос на интеграцию балканских стран и народов как одно из средств урегулиро-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (Грант РГНФ № 15-01-00145 «История Балкан: на переломе эпох (1878–1914 гг.)»)

вания региональных проблем и обезвреживания тех «мин замедленного действия», которые в изобилии были расставлены на балканской почве Берлинским трактатом. Среди них на одно из ключевых мест уже в начале XX в. вышла косовская проблема, а в более широком плане — албанский вопрос. Как весьма справедливо отмечает в этой связи современная германская исследовательница Сузана Фингер, характеризуя подход албанской стороны, «исполнение национальной мечты албанцев — объединиться в одном государстве — постоянно срывалось в процессе образования национальных государств в Юго-Восточной Европе и привело к возникновению так называемого “албанского вопроса”, который воспринимается албанцами как постоянно продолжающаяся политическая несправедливость»¹.

Аналогичное мнение в контексте сербо-албанского противостояния вокруг Косово высказывает сербский исследователь Зоран Лутовац: «Стремление добиться абсолютного суверенитета над территорией, на которую одновременно претендуют два народа, требуя при этом образования независимого государства, либо де-факто отмены всех автономных прав, демонстрирует стремление обеих сторон к конституционно-правовой институционализации доминирования»².

Значимость вышеуказанных интеграционных моделей стала особенно заметной спустя более чем столетие после завершения Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. Происшедший в первой половине 1990-х годов кровавый распад Югославии, возникновение на ее территории новых независимых и квазинезависимых государств с перспективой их дальнейшего дробления, а также рост межэтнических проблем в регионе выдвигают на повестку дня выработку моделей сосуществования и взаимодействия различных этно-конфессиональных групп в рамках отдельных государств и на надгосударственном уровне. В западноевропейском общественном мнении принято сводить эту проблему почти исключительно к идее европейской интеграции. Там преобладает наивное представление о том, что вступление всех балканских государств в Европейский союз, а заодно и в НАТО раз и навсегда перевернет страницы истории региона, наполненные межнациональными и межгосударственными противоречиями. Однако развитие ситуации в самом ЕС, где очевидный подъем национализма и ксенофобии, давший новый импульс межэтническим проблемам и значительно ухудшивший взаимоотношения ряда государств (Греция и Турция, Венгрия и Словакия, Венгрия и Румыния), не позволяет рассматривать «евросоюзную» модель интеграции ни как универсальную, ни как успешную. Наоборот, специфика балканского региона, где ситуация сегодня по многим параметрам аналогична процессам, протекавшим здесь в конце XIX — начале XX вв., заставляет

по-новому взглянуть на те интеграционные модели и варианты, которые разрабатывались за последнее столетие, но в силу конкретно-исторических и геополитических условий не были реализованы на практике.

Главной из них по широте охвата и глубине проработки является идея создания Балканской федерации (Федерации балканских республик), разработанная в начале XX в. сербскими и болгарскими социал-демократами. Подобная федерация должна была представлять собой политическое объединение, в которое вошли бы на правах автономных членов все балканские народы. Теоретические основы данной идеи были проработаны в первую очередь лидером Сербской социал-демократической партии (ССДП) Димитрием Туцовичем. Он являлся непререкаемым авторитетом в партии — особенно в том, что касалось межнациональных отношений на Балканах и места региона в общеевропейской системе международных отношений. По его убеждению, именно Балканская федерация единственная была способна решить многочисленные сложные межнациональные проблемы региона — в том числе косовскую и македонскую. Как отмечал македонский историк Д. Зографски, Туцович «был непримиримым противником раздела и аннексии Македонии, выступая за самое широкое право свободного демократического самоопределения и за особое положение и государственно-правовой статус Македонии как автономной единицы в рамках либо Балканской, либо Восточной федерации»³.

Идея создания Балканской федерации была положена в основу решений I конференции социал-демократических партий балканских стран, состоявшейся 25–27 декабря 1909 г. в Белграде. В ее работе приняли участие представители социал-демократии Сербии, Болгарии, Румынии, Греции, Турции, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Словении и Македонии. Как отмечал в своем докладе на конференции Туцович, «объединение и взаимная поддержка стран и народов на Балканах есть единственный путь, который ведет к экономическому, национальному и политическому освобождению»⁴. «Наша цель — союз и объединение балканских народов», — подчеркнул лидер сербских социал-демократов⁵.

В принятой на конференции резолюции отмечалось, что балканский вопрос может быть решен лишь путем союза проживающих здесь народов, а именно «объединением хозяйственных сил, ликвидацией искусственно поставленных границ, обеспечением полной взаимности и общности в жизни и защите от общей опасности»⁶.

После завершения Белградской конференции социалистические и социал-демократические организации балканских стран и югославянских областей Австро-Венгрии включили пункт о Балканской федерации в свои программы⁷. Как подчеркивалось в отчете Главного партийного управления ССДП к X съезду партии, состоявшемся 30 января — 1 февраля

1914 г., «без федерации нет ни мира на Балканах, ни самостоятельности и свободы для балканских народов»⁸.

Сербские социал-демократы предлагали свои интеграционные модели и для преодоления разногласий между сербами, хорватами и словенцами, которые много позже, в начале 1990-х годов, полыхнули кровавыми конфликтами и стали прологом трагического распада единой Югославии. Вплоть до оккупации Сербии в конце 1915 г. ни теоретически, ни в своей практической деятельности они не выделяли югославянский вопрос в качестве самостоятельного аспекта более масштабной балканской проблемы. Как справедливо пишет сербский исследователь В.Стругар, «сербские социалисты считали, что сербы, хорваты и словенцы представляют собой три племени одного народа» и что они объективно способствуют ускорению хода исторического процесса, «когда используют любой повод для укрепления стремлений к установлению между ними единства»⁹. По их мнению, отмечал В.Стругар, «югославянское национальное объединение, как объединение трех частей одного народа, должно быть реализовано в рамках Балканской федерации, которая самим фактом своего существования сделает невозможными серьезные взаимные разногласия по территориальным вопросам и в которой сербы, хорваты и словенцы достигнут полного национального самовыражения и полной реализации своей совокупной энергии»¹⁰. Примечательно, что аналогичные положения присутствовали и в решениях эмигрантского Югославянского комитета, действовавшего в Лондоне в годы Первой мировой войны. В его памятной записке, датированной 1915 г., в частности, говорилось, что «югославянские народы, которые история знает под именем сербов, хорватов и словенцев, суть один и тот же народ, соединяющий в себе все условия для того, чтобы возникло независимое национальное государство»¹¹.

Развитие национальной программы ССДП носило своеобразный циклический характер, ибо она разрабатывалась на основе изучения отдельных более узких аспектов, а затем ее положения служили средством уточнения и детализации подходов к решению этих же конкретных вопросов, главным из которых для Сербии и тогда, и сейчас был и остается албанский вопрос. На основе анализа истории и современного состояния национального албанского движения, Туцович подчеркивал, что албанцев больше нельзя относить к варварским народам. Более того, соседние балканские народы сами не заинтересованы в том, чтобы жить с ними в непримиримой вражде, ибо «взаимный союз — спасение для всех них. А в этом союзе есть место и для албанцев»¹².

Сербия, отмечал лидер сербских социал-демократов в статье «Работа с албанцами», опубликованной в двух номерах центрального органа ССДП газете «Радничке новине» от 28 февраля и 1 марта 1913 г., должна

вместе с остальными балканскими государствами заложить искренние, честные и прочные основы этой общности, к которой тогда без всякого сомнения присоединилась бы и Албания. Данная общность для всех балканских народов, в том числе и для албанского, является лучшей гарантией их самостоятельности. Без нее «мы все исчезнем, некоторые раньше, а некоторые позже, в том числе исчезнут и албанцы. Отделенные, разобщенные, ревнивые и враждебно расположенные одни по отношению к другим, мы будем на Балканах взаимно рыть могилу друг другу — в чужих интересах»¹³.

Теоретические аспекты идеи Балканской федерации были конкретизированы Туцовичем уже перед самой Первой мировой войной в книге «Сербия и Албания», увидевшей свет в начале 1914 г. В разделе, названном «Результаты завоевательной политики», автор дал общую характеристику ситуации, сложившейся на Балканах, и на этой основе сформулировал задачи сербской социал-демократии в национальном вопросе, включая его албанский аспект. «Балканский полуостров, — отмечал он, — является мешаниной наций с переплетенными историческими воспоминаниями»; вследствие чего взаимные территориальные претензии расположенных здесь государств (Сербии, Болгарии, Греции и др.) находятся в непримиримом противоречии друг с другом¹⁴. Поэтому, полагал Туцович, данные вопросы могут быть успешно решены лишь путем нового объединения балканских народов. Оно необходимо и в интересах достижения ими экономической самостоятельности. Кроме того, само «национальное освобождение балканских народов невозможно без объединения всех Балкан в один общий союз»¹⁵.

Аналогичную позицию занимал и другой лидер ССДП — Душан Попович, подвергавший жесткой критике политику сербских властей в отношении албанцев, которая, по его словам, «оправданное стремление сербского народа к экономическому освобождению сводит на ступень отвратительного гуннского нашествия»¹⁶.

В борьбе за пропаганду партийных установок по национальному вопросу сербские социал-демократы активно использовали парламентскую трибуну. Как подчеркивалось в вышеуказанном отчете Главного партийного управления ССДП к X съезду партии, посвященном деятельности сербских социал-демократов в предшествующий период, весной 1913 г. «наши депутаты брали слово по каждому вопросу, выносившемуся на повестку дня в Народной скупщине, всегда начиная и завершая каждую свою речь одним и тем же требованием: осуществить демобилизацию армии, вернуться к миру, достичь объединения балканских народов в Федерацию балканских республик»¹⁷. На заседании Скупщины 9 апреля 1913 г. в выступлении по поводу правительственного проекта строитель-

ства новых железных дорог депутат от ССДП Драгиша Лапчевич указал, что главной задачей Сербии является создание таможенного союза путем заключения соответствующих соглашений со всеми балканскими государствами, в том числе и с Албанией, что привело бы к нормализации действующей и созданию новой структуры и сети транспортных путей на Балканах, а Сербии дало бы выход к новым портам и торговым путям. Выступая в Скупщине 18 июля 1914 г. (в этот период заседания сербского парламента из-за опасности войны с Австро-Венгрией проходили в городе Ниш), Лапчевич обнародовал декларацию ССДП, в которой, в частности, говорилось об ошибочности «проводимой правительством агрессивной и военной политики по отношению к албанскому народу, с которым было необходимо крепить дружбу и союз»¹⁸.

Аналогичных взглядов придерживалось накануне и во время Первой мировой войны радикальное крыло болгарских социал-демократов. Именно лидер Болгарской рабочей социал-демократической партии (БРСДП) (тесных социалистов) Димитр Благоев первым сформулировал в общем виде идею Балканской федерации еще в 1885 году. А наиболее полно ее суть была изложена редактором партийного органа БРСДП (тесных социалистов) газеты «Работнически вестник» Христо Кабакчиевым. По его словам, Балканская федерация должна была представлять собой объединение балканских государств с республиканским управлением, в котором все народы обладали бы равными правами и свободами, располагали широким местным самоуправлением и сохраняли бы в неприкосновенности свой национальный язык и культуру. Высшими органами Балканской федерации провозглашались общие парламент (избираемый на основе всеобщего, прямого и тайного избирательного права) и правительство, которые отвечали бы за внешнюю политику, оборону, финансовые и налоговые дела, защиту общедолевого и национальных рынков, обеспечение деятельности таможни и связи и другие вопросы¹⁹.

В феврале 1915 г. секретарь ЦК БРСДП (тесных социалистов) представил руководству II Интернационала доклад, где, в частности, говорилось: «В качестве средства сохранения нашей политической независимости и решения “больных” национальных проблем на Балканах мы неустанно и с большим успехом агитируем за сличение балканских народов в Балканскую федеративную республику...»²⁰.

С позицией «тесных социалистов» отчасти солидаризировался и Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) будущего главы правительства межвоенной Болгарии Александра Стамболийского. Его внешнеполитическая концепция предусматривала решение двух основных задач: «предотвращения междоусобных войн с соседними государствами и создания такого объединения балканских народов в виде федерации или

конфедерации, которая обеспечивала бы их защиту от экспансии империалистических держав, прежде всего Германии и Австро-Венгрии»²¹.

Касаясь самого больного для Софии национального вопроса на Балканах — македонского, Стамболийский еще в дни общеболгарского траура и позора после поражения во Второй Балканской войне 1913 г. выдвинул лозунг не возврата Македонии Болгарии, а ее автономии, что перекликалось с идеями сербских социалистов. Автономия Македонии, по его словам, явилась бы «самым справедливым решением Восточного вопроса... самым надежным средством умиротворения Балканского полуострова... самым необходимым условием для создания Балканской федерации»²². Об этом же лидер БЗНС заявил и выступая в болгарском Народном собрании 31 июля 1914 г. — уже после объявления Австро-Венгрией войны Сербии²³. Другой лидер БЗНС С.Омарчевский писал по поводу Балканской федерации следующее: «Мощный союз... между всеми народами, населяющими Балканский полуостров, ... будет способствовать спасению полуострова и его процветанию... Только в этом союзе — залог мира на Балканах и сохранения его независимости от нашествия германизма»²⁴. Однако нечеткость программных положений в той их части, которая касалась принципов и путей создания Балканской федерации, а также происшедший в 1912 г. организационный раскол самого БЗНС не позволили партии развернуть накануне Первой мировой войны политико-пропагандистскую работу в этом направлении.

С аналогичных позиций подходили к идее Балканской федерации и другие болгарские партии, в том числе пользовавшиеся наибольшей популярностью в предвоенной Болгарии — Народная и Прогрессивно-либеральная. В теоретическом плане они признавали важность и перспективность лозунга федерации с точки зрения решения национальных проблем региона или, по крайней мере, сближения и координации усилий балканских государств²⁵. Вплоть до итало-турецкой войны 1911 г. лидер Народной партии и глава правительства Иван Гешов высказывался за включение в состав Балканской федерации даже Турции (в чем он солидаризировался с Д.Туцовичем), и в этих целях в Софии был создан специальный болгаро-турецкий комитет. Однако военное поражение Турции привело к тому, что в Софии и других балканских столицах сделали выбор в пользу военного разгрома своего векового неприятеля, и идеи создания единого государства на Балканах отошли в тень достижения антитурецких военно-политических соглашений на двусторонней основе²⁶.

Концепция всебалканского объединения в определенной мере отвечала и тому курсу, который с начала XX в. проводила в регионе Россия. После обретения в 1878 г. независимости Сербией, Черногорией и Румынией и международного признания провозглашенной в 1885 г. неза-

висимости Болгарии, российское руководство посчитало свою задачу по освобождению христианских народов Балкан в целом выполненной, и потому завершение этого процесса, говоря словами тогдашнего министра иностранных дел России С.Д.Сазонова, «могло быть предоставлено усилиям самих освобожденных народов. “Балканский полуостров — для балканских народов” была той формулой, в которую вмещались стремления и цели русской политики и которая исключала возможность политического преобладания, а тем более господства на Балканах враждебной балканскому славянству и России иноземной власти»²⁷. Заключенный при поддержке России в 1912 г. военно-политический союз между Сербией и Болгарией, к которому присоединились Греция и Черногория, казалось бы, являл собой доказательство правильности и перспективности такого курса, но лишь до тех пор, пока освободившиеся и округлившиеся территориально страны и их мыслившие великодержавными категориями правящие круги не принялись за передел только что освобожденных земель. Вторая Балканская война вошла в историю уже как «Межсоюзническая», а с осени 1913 г. болгарское правительство активно занялось созданием собственного антисербского военно-политического блока, важная роль в котором отводилась албанским отрядам, печально прославившимся терро- ром против сербского населения Косово и Македонии²⁸.

К тому же следует учитывать, что и имевшие место накануне Первой мировой войны попытки руководства Сербии и лидеров албанских военно-политических структур наладить взаимодействие не увенчались успехом «в силу их ограниченности и запоздалости»²⁹.

Первая мировая война, в которой Сербия и Болгария вновь, как и во Второй Балканской войне, оказались по разные стороны баррикад, а также послевоенное урегулирование, составной частью которого стало появление на карте Европы Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС), на время отпраздновали идею формирования всеобъемлющей Балканской федерации в архив.

Однако общеевропейский пожар Второй мировой войны и очередное обострение в балканском регионе межнациональных и межконфессиональных противоречий закономерно придали новый импульс дискуссиям о возможности нормализации, в первую очередь, югославо-албанских и югославо-болгарских отношений в рамках единого надгосударственного образования. 5 февраля 1945 г. в докладе в Отделе международной информации ЦК ВКП(б) секретарь ЦК Коммунистической партии Югославии Эдвард Кардель, говоря о внешнеполитических приоритетах освободившейся страны, заявил: «Мы считаем необходимым, чтобы Югославия теснее связывалась с Болгарией и Албанией, а также с Австрией и Венгрией, если политические процессы в этих странах будут развиваться в таком направлении, которое сделало бы возможным такую связь»³⁰.

Идею Балканской федерации в той или иной степени отстаивали тогда лидеры всех трех государств — Энвер Ходжа, Иосип Броз Тито и особенно Георгий Димитров. Предполагалось при определенных условиях вхождение в состав Балканской федерации Румынии и даже Греции, натянутые отношения с которой были в первую очередь у Албании. Однако непременным условием для этого должен был стать приход к власти греческих коммунистов. Кроме того, оппонентом присоединения к Балканской федерации неславянских государств (Греции и Румынии) оставался югославский лидер. Тито выступал за создание Южнославянского Союза (Союза Южнославянских Народных Республик), который должен был появиться на карте региона уже после фактического объединения Албании с Югославией. «Почти одинаково, — продолжал в вышеуказанном докладе Э.Кардель, — обстоит дело с Албанией, где внутренние политические условия уже совсем созрели для объединения, и Албания сама под руководством коммунистической партии не имеет другого выхода кроме того, чтобы самым тесным образом опереться на Югославию»³¹. Это, по мнению Белграда, отчасти разделявшемуся Тираной, помогло бы окончательно решить и проблему Косово «посредством его включения в албанскую федеральную единицу»³².

Как вспоминал позднее другой близкий соратник Тито — политик, ученый и писатель Милован Джилас, югославское и албанское правительства в конце Второй мировой войны «в принципе стояли на точке зрения, что Албания должна объединиться с Югославией, что разрешило бы и вопрос албанского национального меньшинства в Югославии», поскольку «принесло бы не только непосредственные выгоды и Югославии, и Албании, но одновременно покончило бы с традиционной нетерпимостью и конфликтами между сербами и албанцами. И — что... особенно важно — это дало бы возможность присоединить значительное и компактное албанское меньшинство к Албании как отдельной республике в югославо-албанской федерации»³³. В этой связи российская исследовательница Е.Ю. Гуськова обоснованно замечает: «И.Броз Тито намного больше интересовала судьба задуманной им Балканской федерации, ядром которой стала бы Югославия. Он готов был пожертвовать Косово, чтобы сделать собственные планы привлекательными для Албании»³⁴.

О том же свидетельствовали и советские дипломаты. Посланник в Тиране Д.С.Чухахин после беседы с Энвером Ходжей по итогам его визита в Белград записал 3 июля 1946 г. в своем дневнике, что «Тито считает необходимым принять все меры к сближению населения Косово и Метохии с населением Албании, и что одной из таких мер могло бы быть открытие албано-югославской границы и отмена таможенных пошлин на этом участке границы»³⁵.

Примечательно, что сам Ходжа, выступавший за передачу Косово Албании, отнесся к данной инициативе югославской стороны без особого энтузиазма. Как отметил советский дипломат, «по словам Энвера Ходжи, на поставленный маршалом Тито вопрос об открытии албано-югославской границы в районе Косово и Метохии он ответил, что этот вопрос требует специального изучения и что к нему можно будет вернуться в будущем»³⁶. По свидетельству Чувахина, албанский лидер считал, «что эта область (Косово. — *П. И.*), населенная в подавляющем большинстве своим албанцами, несомненно, будет присоединена в свое время к Албании, но что это возможно лишь только тогда, когда и Албания, и Югославия будут государствами социалистическими. Энвер Ходжа подчеркнул при этом, что этой точки зрения он придерживался на протяжении всей национально-освободительной борьбы и что такую же позицию в этом вопросе занимало и все руководство албанской КП»³⁷.

Болгарский же лидер Георгий Димитров, разрабатывавший положения о Балканской федерации еще в межвоенный период, настаивал на максимально расширительном подходе к ее границам и составу³⁸. Кроме того, болгарскую сторону не устраивало предложение Тито о выделении в рамках нового объединения особой македонской федеративной единицы, поскольку болгарская историческая и национально-государственная традиция не признавала македонцев самостоятельным этносом, считая их болгарями.

Проходивший в первые послевоенные годы процесс наполнения идеи Балканской федерации конкретным содержанием носил противоречивый характер. Первым шагом, по мнению Сталина и Тито, должно было стать объединение Албании с Югославией. Милован Джилас сообщал о фразе, произнесенной советским лидером в беседе с ним 9 января 1948 г.: «Мы согласны, чтобы Югославия проглотила Албанию»³⁹. В марте–апреле 1947 г. в Белграде прошли непростые переговоры о заключении двустороннего торгового соглашения на базе предложений югославской стороны. Документ предусматривал фактический отказ Албании от монополии на внешнюю торговлю, поскольку все экспортно-импортные операции «должны были осуществляться исключительно югославскими организациями»⁴⁰. В течение 1947 г. Тирана и Белград достигли договоренностей о парификации монетной системы (предусматривавшей уравнение албанского лека с югославским динаром), об унификации цен, о таможенном союзе, об обязательности согласования народнохозяйственных планов, о создании совместных обществ. Эта линия в целом соответствовала положениям резолюции V Пленума ЦК Коммунистической партии Албании 1946 г., в которой, в частности, подчеркивалось: «Наша (албанская. — *П. И.*) политика должна ориентироваться на более тесную и конкретную связь с Югославией»⁴¹. Однако она встретила возражения со стороны части ал-

банского руководства, которая увидела в ней угрозу для национального суверенитета. Противники форсирования хозяйственной интеграции с Югославией, в частности, ссылались на высказывание Сталина, прозвучавшее во время его встречи с албанской правительственной делегацией в июле 1947 г.: «Албания должна встать на свои собственные ноги»⁴².

В конце 1947 г. Албания и Югославия приступили к обсуждению мер по объединению армий. В качестве первого шага в этом направлении предусматривалась передислокация 2-й пролетарской стрелковой дивизии югославской армии в один из потенциально конфликтных районов — город Корча вблизи албано-греческой границы. Однако советско-югославский конфликт, достигший кульминации к середине 1948 г., похоронил планы создания де-факто югославско-албанской федерации: следуя в русле резолюции Информбюро «О положении в Компартии Югославии» от 28 июня, албанское правительство уже 1 июля объявило об аннулировании всех двусторонних договоров и о высылке из страны югославских советников, число которых, по некоторым данным, приближалось к 600⁴³. Подобное развитие событий, а также усиливавшееся противодействие западных держав, опасавшихся появления на Балканах «малого СССР», свело на нет усилия по созданию Балканской федерации как в максимально широких границах (с участием Албании, Югославии, Болгарии, Румынии и Греции), так и в виде тройственного объединения Белграда, Тираны и Софии или хотя бы албано-югославских надгосударственных структур.

Обострение обстановки на Балканах и, в частности, в Югославии в 1980-е годы вновь дало основания говорить о необходимости поиска нестандартных моделей для урегулирования ситуации вокруг Косово и других реальных и потенциальных «горячих точек» региона. Одну из этих моделей предложил в 1987 г. известный хорватский балканский Бранко Хорват. Проанализировав историю сербо-албанских отношений и место Косово в национально-государственной традиции обоих народов, он высказался за создание албано-югославской конфедерации, в рамках которой могли бы быть надежно обеспечены национально-религиозные права сербского и албанского населения, а также функционировала бы единая финансово-экономическая система, базирующаяся на использовании природных ресурсов Сербии и портовой инфраструктуры албанского побережья Адриатики⁴⁴. Как известно, еще в начале XX в. сербский исследователь Йован Цвийич называл Сербию, лишенную выхода к Адриатическому морю, «обнесенной забором страной», а сербов — «арестованным народом». «Только в результате выхода на Адриатическое море Сербия бы получила условия для экономической самостоятельности и оказалась бы удовлетворенной», — заключал он в опубликованной в ноябре 1912 г. (в разгар Первой Балканской войны) статье «Балканская война и Сербия»⁴⁵. Предложенная Б.Хорватом модель могла бы обеспе-

чить хозяйственные выгоды для Югославии и Албании и предотвратить эскалацию косовского конфликта. По его мнению, начавшиеся в Албании после смерти в 1985 г. Ходжи изменения создавали благоприятную основу для реанимации албано-югославского взаимодействия. Однако стремительный рост албанского национализма в Косово не позволил тогда реализовать эту и другие интеграционные модели⁴⁶.

В новой Конституции Республики Сербия, принятой в 1990 г., в разделе, посвященном территориальному устройству, полномочия Приштины, по сравнению с предыдущим Основным законом страны от 1974 г., были сильно урезаны. Косово теперь располагало де-юре и де-факто внутрисербским статусом и перестало быть субъектом государственных отношений⁴⁷. А начавшийся лавинообразный процесс дезинтеграции всей Югославии окончательно лишил сторонников интеграционных моделей государственного, международно-правового и геополитического пространства. Интерес к ним стал закономерно возрождаться лишь в последние годы.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ
(Грант РГНФ № 15-01-00145 «История Балкан:
на переломе эпох (1878–1914 гг.)»)*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Фингер С.* Косово: национальное теневое государство // Национализм в поздней- и посткоммунистической Европе. Т.3. М., 2010. С.312.

² *Lutovac Z.* Serbisch-albanische Beziehungen in Kosovo-Metohija // Minderheiten als Konfliktpotential in Ostmittel- und Südosteuropa. München, 1995. S.153.

³ *Зографски Д.* Димитрије Туцовић о македонском националном питању // Српска социјалдемократска партија. Научни скуп посвећен педесетогодишњици смрти Димитрија Туцовића, одржан у Београду 18., 19. и 20. новембра 1964. Београд, 1965. С. 123. См. также: *Зографски Д.* Југословенските социјалисти за македонското прашање. Скопје, 1962.

⁴ *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књига трећа. Београд, 1980. С.70.

⁵ Историјски архив Комунистичке партије Југославије. Т. VI. Београд, 1950. С. 267.

⁶ *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књига седма. Београд, 1980. С.79.

⁷ *Маринова М.* Българските марксисти в защита на националните интереси България, 1900–1912. София, 1976. С.118, 121.

⁸ *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књига седма... С. 334.

⁹ *Стругар В.* Српска социјалдемократска партија о југословенском питању 1914–1918 // Српска социјалдемократска партија. Научни скуп... С. 223.

¹⁰ Там же. С. 225.

¹¹ Цит. по: Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 329.

¹² *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књига трећа... С. 238–239.

¹³ Там же. Књига седма... С. 77.

¹⁴ Там же. Књига осма. Београд, 1980. С. 104.

¹⁵ Там же. С. 105.

- ¹⁶ Поповић Д. Сабрана дела. Књига друга. Београд, 1985. С. 283.
- ¹⁷ Туцовић Д. Сабрана дела. Књига седма... С. 329.
- ¹⁸ Историјски архив... Том III. Социјалистички покрет у Србији 1900–1919. Београд, 1950. С. 285.
- ¹⁹ Българска комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК, 1891–1918. Т. I. София, 1957. С. 341.
- ²⁰ Там же. С. 436–439.
- ²¹ Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. С. 82.
- ²² Цит. по: Велев А. Болгарский земледельческий народный союз и идея балканской федерации (1908–1919 гг.) // *Études historiques*. София, 1973. Т. VI. С. 310.
- ²³ Болгария в XX веке: Очерки политической истории. М., 2003. С. 55.
- ²⁴ Стателова Е. Политика, партия, печат на българската буржуазия, 1909–1912. София, 1973. С. 122.
- ²⁵ Пантев А. и др. Външната политика на България и опозиционните партии (1900–1914) // Известия на Института на история БАН. 1974. Т. 23. С. 127–136.
- ²⁶ Писарев Ю.А. Великие державы... С. 83–84.
- ²⁷ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 58–59.
- ²⁸ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2091. Л. 31.
- ²⁹ Цит. по: Искендеров П.А. Развитие сербо-албанских отношений осенью 1913 г. // Вопросы истории. 2016. № 4. С. 82.
- ³⁰ Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953 гг. Документы. Т. 1. М., 2002. С. 138.
- ³¹ Там же.
- ³² *Vickers M.* The Albanians. A Modern History. London–New York, 1995. P. 165.
- ³³ *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 96.
- ³⁴ Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Том первый (1878–1997 гг.). М., 2006. С. 20.
- ³⁵ Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. Т. 1. М., 1998. С. 477.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 476.
- ³⁸ Подробнее см.: *Димитров Г.* Положение на Балканах и задачи Балканской Коммунистической Федерации // Избранные произведения. Т. I. М., 1957.
- ³⁹ *Джилас М.* Лицо тоталитаризма... С. 103.
- ⁴⁰ Краткая история Албании. М., 1992. С. 404.
- ⁴¹ Там же. С. 405.
- ⁴² Цит. по: Краткая история Албании... С. 405.
- ⁴³ Краткая история Албании... С. 406.
- ⁴⁴ *Horvat B.* Kosovsko pitanje. Zagreb, 1988.
- ⁴⁵ *Цвијић Ј.* Географски и културни положај Србије // Гласник Српскога географскога друштва, 3. 1914. Свеска 3–4. С. 12–13; Границе и склоп наше земље // Цвијићева књига. Београд, 1927. С. 8.
- ⁴⁶ Подробнее см.: *Искендеров П.А.* «Великая Албания»: теория и практика // Вопросы истории. 2012. № 1.
- ⁴⁷ *Horvat B.* Kosovsko pitanje... S. 135.